

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
третья**

Виссарион Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья третья**

«Public Domain»

1843

Белинский В. Г.

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1843

Белинский поставил и для своего времени гениально разрешил ряд важнейших проблем творчества Пушкина, заложив тем самым прочные основы научного изучения наследия великого поэта. Белинский равно отмежевывается как от мелочно-придирчивой, релятивистской современной ему критики, так и от попыток представить Пушкина подражателем то Байрона, то Вальтера Скотта. Готовый во многом еще признать подражательность» русской литературы XVIII века, Белинский начисто отрицает подражательность в Пушкине.

Содержание

Обзор поэтической деятельности Батюшкова; характер его поэзии. – Гнедич; его переводы и оригинальные сочинения. – Мерзляков. – Князь Вяземский. – Журналы конца карамзинского периода	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья третья

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

Обзор поэтической деятельности Батюшкова; характер его поэзии. – Гнедич; его переводы и оригинальные сочинения. – Мерзляков. – Князь Вяземский. – Журналы конца карамзинского периода

Батюшков далеко не имеет такого значения в русской литературе, как Жуковский. Последний действовал на нравственную сторону общества посредством искусства; искусство было для него как бы средством к воспитанию общества. Заслуга Жуковского собственно перед искусством состояла в том, что он дал возможность содержания для русской поэзии. Батюшков не имел почти никакого влияния на общество, пользуясь великим уважением только со стороны записных словесников своего времени, и, хотя заслуги его перед русскою поэзиею велики, – однакож, он оказал их совсем иначе, чем Жуковский; Он успел написать только небольшую книжку стихотворений, и в этой небольшой книжке не все стихотворения хороши, и даже хорошие далеко не все равного достоинства.^[1] Он не мог иметь особенно сильного влияния на современное ему общество и современную ему русскую литературу и поэзию: влияние его обнаружилось на поэзию Пушкина, которая приняла в себя или, лучше сказать, поглотила в себя все элементы, составлявшие жизнь творений предшествовавших поэтов. Державин, Жуковский и Батюшков имели особенно сильное влияние на Пушкина: они были его учителями в поэзии, как это видно из его лицейских стихотворений. Все, что было существенного и жизненного в поэзии Державина, Жуковского и Батюшкова, – все это присуществовалось поэзии Пушкина, переработанное ее самобытным элементом. Пушкин был прямым наследником поэтического богатства этих трех маэстро русской поэзии, – наследником, который собственною деятельностью до того увеличил полученные им капиталы, что масса приобретенного им самим подавила собою полученную и пущенную им в оборот сумму. Как умели и могли, мы старались показать и открыть существенное и жизненное в поэзии Державина и Жуковского; теперь остается нам сделать это в отношении к поэзии Батюшкова.

Направление поэзии Батюшкова совсем противоположно направлению поэзии Жуковского. Если *неопределенность* и *туманность* составляют отличительный характер романтизма в духе средних веков, – то Батюшков столько же *классик*, сколько Жуковский *романтик*: ибо *определенность* и *ясность* – первые и главные свойства его поэзии. И если б поэзия его, при этих свойствах, обладала хотя бы столь же богатым содержанием, как поэзия Жуковского, – Батюшков, как поэт, был бы гораздо выше Жуковского. Нельзя сказать, чтоб поэзия его была лишена всякого содержания, не говоря уже о том, что она имеет свой, совершенно самобытный характер; но Батюшков как будто не сознавал своего призвания и не старался быть ему верным, тогда как Жуковский, руководимый непосредственным влечением своего духа, был верен

[1] Стихотворения Батюшкова, кроме журнальных публикаций, при жизни поэта (умер в 1855 году) выходили дважды отдельными изданиями: в 1817 году – «Опыты в стихах и прозе» и в 1934 году – «Сочинения в прозе и стихах». В обоих изданиях стихотворения помещены во 2-й части. Белинский пользовался вторым изданием.

своему романтизму и вполне исчерпал его в своих произведениях. Светлый и определенный мир изящной, эстетической древности – вот что было призванием Батюшкова. В нем первом из русских поэтов художественный элемент явился преобладающим элементом. В стихах его много пластики, много *скульптурности*, если можно так выразиться. Стих его часто не только слышим уху, но видим глазу: хочется ощупать извивы и складки его мраморной драпировки. Жуковский только через Шиллера познакомился с древнею Элладой. Шиллер, как мы заметили в предшествовавшей статье, смотрел на Грецию преимущественно с романтической стороны ее, – и русская поэзия не знала еще Греции с ее чисто художественной стороны, не знала Греции как всемирной мастерской, через которую должна пройти всякая поэзия в мире, чтоб научиться быть изящною поэзией. В анакреонтических стихотворениях Державина проблескивают черты художественного резца древности, но только проблескивают, сейчас же теряясь в грубой и неуклюжей обработке целого. И эти проблески античности тем больше делают чести Державину, что он, по своему образованию и по времени, в которое жил, не мог иметь никакого понятия о характере древнего искусства и если приближался к нему в проблесках, то не иначе, как благодаря только своей поэтической натуре. Это показывает, между прочим, чем бы мог быть этот поэт и что бы мог он сделать, если б явился на Руси в другое, более благоприятное для поэзии время. Но Батюшков сблизился с духом изящного искусства греческого сколько по своей натуре, столько и по большему или меньшему знакомству с ним через образование. Он был первый из русских поэтов, побывавший в этой мировой студии мирового искусства; его первого поразили эти изящные головы, эти соразмерные торсы – произведения волшебного резца, исполненного благородной простоты и спокойной пластической красоты. Батюшков, кажется, знал латинский язык и, кажется, не знал греческого; неизвестно, с какого языка перевел он двенадцать пьес из греческой антологии: этого не объяснено в коротеньком предисловии к изданию его сочинений, сделанному Смирдиным; но приложенные к статье «О греческой антологии» французские переводы этих же самых пьес позволяют думать, что Батюшков перевел их с французского.^[2] Это последнее обстоятельство разительно показывает, до какой степени натура и дух этого поэта были родственны эллинской музе. Для тех, кто понимает значение искусства как искусства и кто понимает, что искусство, не будучи прежде всего искусством, не может иметь никакого действия на людей, каково бы ни было его содержание, – для тех должно быть понятно, почему мы приписываем такую высокую цену переводам Батюшкова двенадцати маленьких пьесок из греческой антологии. В предшествовавшей статье мы выписали большую часть антологических его пьес; здесь приведем для примера одну, самую короткую:

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пыльные и страсти упоенья;^[3]
Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслажденье!

Такого стиха, как в этой пьеске, не было до Пушкина ни у одного поэта, кроме Батюшкова; мало того: можно сказать решительнее, что до Пушкина ни один поэт, кроме Батюшкова, не в состоянии был показать возможности такого русского стиха. После этого Пушкину стоило

^[2] См. примеч. 220. (текст примечания: «Приводимые Белинским стихотворения из греческой антологии Батюшкова были переведены последним с французского подстрочника, сделанного для него С. С. Уваровым. Впервые были изданы в 1820 году в виде приложения к брошюре Уварова о греческой антологии. В данном случае Белинский цитирует по второму изданию «Сочинений в прозе и стихах» Батюшкова. Спб., 1834, в двух частях (стихи во второй части).»

^[3] Белинский цитирует точно, но в самом издании 1834 года этот стих напечатан неверно; нужно: «Восторги пыльные и страсти упоенье».

не слишком большого шага вперед начать писать такими антологическими стихами, как вот эти:

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Или вот эти:

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Все непритворно в ней: желаний томный жар
Стыдливость робкая, харит бесценный дар.
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

Вообще надо заметить, что антологические стихотворения Батюшкова уступят антологическим пьесам Пушкина только разве в чистоте языка, чуждого произвольных усечений и всякой неровности и шероховатости, столь извинительных и неизбежных в то время, когда явился Батюшков. Совершенство антологического стиха Пушкина – совершенство, которым он много обязан Батюшкову, – отразилось вообще на стихе его. Приводим здесь снова два последние стиха выписанной нами антологической пьесы:

Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслажденье!

Вспомните стихотворение Пушкина: *«Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю»* (т. IV, стр. 303): стихотворение это несколько не антологическое, но посмотрите, как последние стихи его напоминают свою фактуру антологическую пьесу Батюшкова:

И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и выюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Благодаря Пушкину тайна антологического стиха сделалась доступна даже обыкновенным талантам; так, например, многие антологические стихотворения г. Майкова не уступают в достоинстве антологическим стихотворениям Пушкина, между тем как г. Майков не обнаружил никакого дарования ни в каком другом роде поэзии, кроме антологического.^[4] После г. Майкова встречаются превосходные стихотворения в антологическом роде у г. Фета. Г. Майков нашел себе подражателя в г. Крешеве,^[5] антологические стихотворения которого не совсем чужды поэтического достоинства, – и явились такие стихотворения в начале второго десятилетия настоящего века, они составили бы собою эпоху в русской литературе; а теперь их никто не хочет и замечать, – что не совсем неосновательно и несправедливо. Какого же удивления

^[4] Об Аполлоне Майкове. См. во втором томе специальную статью и в наст. томе примеч. 16.

^[5] О Крешеве (умер в 1859 году) см. «Письма» Белинского, т. III, стр. 283, 288, 295, 296. О Фете, т. II, стр. 195, 333, в Полн. собр. соч. т. VIII, стр. 20, т. IX, стр. 132, т. XI, 298.

заслуживает Батюшков, который *первый* на Руси создал антологический стих, только разве по языку и то весьма немногим уступающий антологическому стиху Пушкина? И вправе ли мы думать, что Батюшкову обязан Пушкин своим антологическим, а вследствие этого и вообще своим стихом? Жуковский не мог не иметь большого влияния на Пушкина; кому неизвестно его обращение к нему, как к своему учителю, в «Руслане и Людмиле»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания